

На правах рукописи

Неплюев Петр Андреевич

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1960–1980-Е ГГ.)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Челябинск – 2026

Работа выполнена на кафедре междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель – Янковская Галина Александровна
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: Бугров Константин Дмитриевич
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»

Болтунова Екатерина Михайловна
кандидат исторических наук, директор Института региональных исторических исследований факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань.

Защита состоится «24» апреля 2026 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.437.04 при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, 76, ауд. 1007.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета:
<https://www.susu.ru/ru/dissertation/24243704-d-21229813/neplyuev-petr-andreevich>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

После распада СССР внимание к позднесоветскому (вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.) периоду не только не угасает, но и растет в самых разных сферах. Эта эпоха представляет особый интерес для социально-гуманитарных наук. Интерес обусловлен целым рядом исследовательских проблем, к числу которых относятся изучение механизма взаимодействия власти и общества, вопрос о субъектности советского человека, о взаимоотношениях государственного центра и регионов. Отдельного внимания заслуживают дискуссии о наличии в позднем СССР публичной сферы и ее специфики, а, следовательно – и о СССР как о части мировой модерности. Немалый интерес вызывают практики использования прошлого в публичном пространстве, в том числе непрофессионалами.

На фоне массового интереса к процессу перехода исторического научного знания в публичную сферу, среди профессиональных исследователей повышенное внимание вызывает публичная история и ее применимость к изучению позднесоветского периода. Период институционализации публичной истории начинается в 1970-е годы в США и Великобритании, но это не означает, что практики перехода исторического знания, сюжетов и образов в публичное пространство (публично-исторические практики) не существовали ранее и в других странах.

В Советском Союзе публичная история не была институционализирована, но формы перехода научного знания в публичное поле существовали, в том числе через участие общественных организаций и низовых активистов.

Одной из таких общественных организаций стало учрежденное в 1965 году Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Его создание стало ответом на запрос широких слоев советского общества на сохранение исторической памяти о советском периоде и национальной русской культуры, а также повышение исторической грамотности населения. Членами новой организации, становились историко-

культурные активисты из числа ученых, деятелей культуры, краеведов, общественных деятелей. Уже к 1980 году в Обществе состояло около 15 миллионов человек. Деятельность ВООПИК, как советского массового добровольного общества, его роль в процессе перехода исторического знания в публичное пространство, взаимодействие с советской бюрократией на местах также недостаточно изучены и требуют дальнейших исследований.

Степень научной изученности темы. Проблема институциональной специфики советских добровольных массовых организаций, а также их функционирование в публичном пространстве, относятся к комплексным и недостаточно изученным в отечественной и зарубежной историографии. Комплексность исследования требует разделить историографию на несколько больших групп.

Во-первых, это исследования, посвященные специфике социальных процессов в позднесоветский период сквозь призму культурной истории и антропологического поворота в исторических исследованиях.

Вторую группу образуют исследовательские публикации о деятельности массовых добровольных организаций в области сохранения историко-культурного наследия и историко-культурного активизма.

Третью, принципиально важную для диссертационного исследования группу, образуют публикации, посвященные феномену публичной истории.

Изучение позднесоветского социального опыта в отечественной и зарубежной историографии в последние десятилетия становится одной из ключевых тем в рамках исследований советской действительности. Эта комплексная междисциплинарная проблематика лишь в 1990-е годы начала массово привлекать исследователей. Именно в этот период, благодаря расширению источниковой базы (открытие архивов для исследователей, интервьюирование свидетелей эпохи и др.) начинается активное изучение реалий советской жизни сквозь призму культурной истории, поворот к тематике взаимоотношений власти и граждан СССР. Новыми темами

становятся советская повседневность¹, позднесоветская субъектность², практик и потребления³. Отдельного внимания заслуживает пересмотр устоявшейся концепции «бинарного социализма» А. Юрчаком⁴. Он отвергает привычное во многих исследованиях советского общества деление на «конформистов-нонконформистов», на «официоз-андеграунд», называя его упрощенным. По его словам, множество явлений власти «включало в себя элементы, одновременно стоящие по обе стороны этого разделения».

К похожему выводу приходит американский советолог Д. Рейли⁵. На обширном устно-историческом материале Рейли изучает механизмы распада СССР. Он показывает, как жители Советского Союза не обязательно должны были занимать позицию сторонника советского режима или диссидента.

Свой взгляд на взаимоотношения советского человека и власти представляет историк А. Фокин в монографии «Коммунизм не за горами»⁶. В работе он указывает на неоднородность советского общества, что выражалось в разных образах коммунизма. При этом в 1950–1960-е годы в попытке построить коммунизм обозначается начало важной трансформации отношений власти и общества: «Создание квазикоммунистического общества через принуждение теряет всякий смысл, отношения между властью и населением должны строиться на принципах доверия». Одним из инструментов создания доверия становятся различные медиаторы между властью и обществом, которые не только обеспечивали контроль власти над обществом, но и давали обществу возможность влиять на власть.

¹ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М., 2023 (первое англоязычное издание вышло в 1994 году – *прим. авт.*); Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М., 2019.

² Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб., 2016, 2018.

³ Иванова А. Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. – М., 2024.

⁴ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. – М., 2017.

⁵ Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. – М., 2015.

⁶ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. – М., 2017.

Еще одним направлением исследований советского социального опыта стала теория множественности модерностей и ее применимость к СССР. Согласно этой теории Советский Союз обладал своими особенностями и собственной

модерностью, однако многие аспекты жизни в советском государстве (активизм, потребление и др.) были схожи с западными практиками. Сторонники этой теории описывают СССР как часть единого международного развития с особыми чертами, а не как уникальный проект⁷.

Пристальное внимание исследователей к позднесоветскому социальному опыту, субъектности советского гражданина, к советской модерности указывает на сложную и многослойную структуру общества в СССР. Советский гражданин не был безвольным винтиком государственной машины, но обладал своей индивидуальностью и имел возможность ограниченно влиять на решения власти. Его субъектность, в частности, проявлялась через активизм, участие в различных массовых обществах, чему и будет посвящен второй раздел историографического обзора.

Проблема историко-культурного активизма и функционирования массовых добровольных обществ в позднесоветский период является ключевым направлением изучения советского социального опыта в рамках данного исследования. Она делится на несколько частей в соответствии с хронологией изучения. Во-первых, это публикации позднесоветской эпохи о взаимодействии государства и общественных организаций по вопросам историко-культурного наследия, опубликованные до распада СССР. Во-вторых, это зарубежная историография 1950–1980-х годов по проблеме историко-культурного активизма в Советском Союзе этого периода. В-третьих, это

⁷ Подробнее: Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. – 2016. – №140. – С. 19–45;

Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. – М, 2022.

публикации отечественных и зарубежных авторов по проблематике историко-культурного активизма, появившиеся после распада СССР, в 1990–2020-е гг.

Изучение проблемы сохранения историко-культурного наследия и участия в нем активистов уходит корнями в дореволюционный период и затем продолжается в СССР. Однако системными эти исследования становятся лишь с конца 1950-х годов, в условиях ослабления государственной цензуры и появления некоторых сфер, где была возможна ограниченная критика властных решений. Одной из таких сфер и стала область сохранения историко-культурного наследия. Особую роль в изучении советского историко-культурного активизма сыграло учреждение в середине 1960-х годов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Основной задачей нового общества стала добровольная помощь советских граждан усилиям государства по охране историко-культурного наследия, следовательно, изучение процессов взаимодействия власти и общества в этой сфере стало актуальным. Исследования и публикации этого периода описывают сложившееся в СССР положение дел в области охраны историко-культурного наследия и дают рекомендации по ее улучшению, в том числе с участием активистов. При этом основным фокусом публикаций остается государственная деятельность и законодательство в сфере охраны памятников, а критика нарушений и неэффективности решений в этой области носит ограниченный характер вследствие цензуры и идеологических установок⁸.

До некоторой степени отсутствие проблемного подхода в научных трудах с конца 1950-х до середины 1980-х годов компенсируется историко-публицистическими очерками, статьями и изданиями, создаваемыми

⁸ Браичевский М. Ю. Сохранить памятники истории // История СССР. – 1966. – №2. – С. 205–226; Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // История СССР. – 1967. – № 7. – С.192–206; Малафеев П.А. Россия: Советы и культура. – М.,1974;

Шулепова Э.А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, использования и пропаганды памятников истории и культуры: Труды НИИ культуры. – М.,1979. – Вып. 78. – С. 6–26; Медведева Т.Н. Опыт проведения в РСФСР смотров памятников истории и культуры советского общества в 1965–1977 гг. // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры: Труды НИИ культуры. – М., 1980. – Вып.93. – С. 60–80.

представителями советской интеллектуальной элиты. К их числу относятся работы Д.С. Лихачева, Н.Н. Воронина, В.А. Солоухина и других⁹. В этих публикациях авторы занимают активную позицию, критикуя положение в области охраны историко-культурного наследия и призывая государственные власти к действию.

С изменением общественно-политической ситуации в годы перестройки и в первые годы после распада СССР происходит расширение диапазона исторических и культурологических исследований. Ранее запрещенные темы становятся более доступными для изучения. Большую роль начинают играть работы, критически оценивающие советскую систему охраны памятников и указывающие на несовершенство законодательства в сфере защиты историко-культурного наследия¹⁰.

⁹ Воронин Н.Н., Грабарь И.Э. и др. В защиту памятников прошлого // Литературная газета. – 1956. – № 100 (3601); Воронин Н.Н. Любите и сохраняйте памятники древнего искусства. – М., 1960; Лихачев Д. С. Памятники культуры – народное достояние. // История СССР. – 1961. – №3. – С. 4; Песков В.М. После праздника – понедельник // Песков В.М. Полное собрание сочинений. – Том 5. Мощные реки. – М., 2014. – С. 91–94; Солоухин В.А. Письма из Русского музея. – М., 1967.

¹⁰ Лихачёв Д.С. Заметки о русском // Избранные работы в трёх томах. Т.: 2. – Л, 1987. – С. 418–494; Батов В.И., Панкратова Т.Н., Чернявская Е.Н. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980 гг.) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия: сборник научных трудов / НИИ Культуры. – М., 1987. – С. 133–149; Бобоедова Н.Д. Административно-правовые проблемы охраны памятников истории и культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – М., 1988; Дьячков А.Н. Актуальные проблемы сохранения и использования памятников культуры // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов / НИИ Культуры / Отв.ред. Э.А. Шулепова. – М., 1992. – С.8–19; Дьячков А.Н. Нравственный фактор в сохранении недвижимого культурного наследия // Памятники в изменяющемся мире: Материалы международной научно-практической конференции / Российский институт культурологии / Отв. ред. и сост. Э.А. Шулепова. – М., 1993. – С. 11–16; Панкратова Т.П. Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. // Музееведение: Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР: Сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1987. – С. 25–45; Батов В.И., Панкратова Т.Н., Чернявская Е.Н. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960-1980 гг.) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия: Сборник научных трудов / НИИ Культуры. – М., 1987. – С. 133–149; Бобоедова Н.Д. Административно-правовые проблемы охраны памятников истории и культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – М., 1988; Дьячков А.Н. Актуальные проблемы сохранения и использования памятников культуры // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов / НИИ Культуры / Отв. ред. Э.А. Шулепова. – М., 1992. – С. 8–19; Дьячков А.Н. Нравственный фактор в сохранении недвижимого культурного наследия // Памятники в изменяющемся мире: Материалы международной научно-практической конференции /

В позднесоветский период стараниями множества исследователей (ученых, краеведов, публицистов) собран значительный объем как теоретического, так и фактологического материала по охране российского и советского историко-культурного наследия. Однако, изучение регионального материала и локальных сюжетов оставалось на периферии интересов многих исследователей. Отдельно следует отметить влияние идеологии и идеологической ситуации в Советском Союзе на публикации. Впрочем, многие работы в области охраны историко-культурного наследия не были полностью зависимы от официальных идеологических догм и уже намечали будущие направления исследований в годы перестройки и постсоветский период.

Для советских исследователей главной проблемой было совершенствование законодательства в сфере охраны памятников и сосредоточение на основных проблемных вопросах в этой области. Но для западных ученых, занимающихся советским государством в позднесоветский период, направление работы было иным. Вплоть до распада СССР они, в первую очередь, пытались понять устройство советской системы и ее компонентов. В 1950-е годы появляются исследования, посвященные изучению советского человека и его взаимодействию с авторитарной/тоталитарной системой. Под пристальным вниманием находились советский политический строй, его реальное состояние и общая ситуация в Советском Союзе. Одной из сложностей в данном вопросе становилась верификация информации и источников, скрытых под завесой официальной советской пропаганды. Особый интерес у западных исследователей вызывали вопросы волонтерства, активизма, субъектности советских граждан¹¹, автономии советской интеллигенции в условиях авторитарного/тоталитарного общества¹², советского регионализма¹³. В

Российский институт культурологии / Отв. ред. и сост. Э.А. Шулепова. – М., 1993. – С. 11–16

¹¹ Adams J.S. Citizen Inspectors in the Soviet Union: The People's Control Committee. – University of Michigan, 1977.

¹² Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen. – Harvard University Press, 1959.

понимании западных исследователей последний аспект был важен для изучения местечкового патриотизма и роста популярности локальной культуры.

Говоря о современной постсоветской историографии по теме историко-культурного активизма, отметим, что это динамично развивающееся поле. В статьях и монографиях регулярно поднимается вопрос о взаимодействии государства и его официальной идеологии с добровольными организациями разных уровней¹⁴. Все больше внимания исследователи уделяют конкретным людям, собранным ими материалам и человеческому аспекту советской истории¹⁵. Все чаще по теме охраны историко-культурного наследия защищаются диссертации, использующие обширный региональный материал¹⁶.

¹³ Bahry D. Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika // *Slavic Review*. – Vol. 52. – 1993. – No. 3. – Pp. 512–554; Bahry D., Nechemias C. Half Full or Half Empty? The Debate over Soviet Regional Equality // *Slavic Review*. – Vol. 40. – 1981. – No.3. – Pp. 366–383.

¹⁴ Кормина Ж., Штырков С. «Это наше исконное русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации / Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. – СПб., 2015. – С. 7–46; Цуканов И. П. Идеологизация поисково-краеведческой работы в школах РСФСР в 1956–1965 гг. / Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны. – Курск, 2016. – С. 266–271; Матвеев Е.В. Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980х годов // *Magistra Vitae*. – 2018. – №1; Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М., 2015; Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // *Антропологический форум*. – 2018. – №37. – С. 20–53; Mayofis M., Frede V. The Thaw and the Idea of National Gemeinschaft: The All-Russian Choral Society // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – Volume 17. – 2016. – No.1. – Pp. 27–67; Costanzo S. Reclaiming the Stage: Amateur Theater-Studio Audiences in the Late Soviet Era // *Slavic Review*. – Vol. 57. – No. 2. – Pp. 398–424; Kelly C. «Thank-You for the Wonderful Book»: Soviet Child Readers and the Management of Children's Reading, 1950–1975 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – Volume 6. – 2005. – №4. – Pp. 717–753.

¹⁵ Голубев А. Вещная жизнь. – М, 2022; Клоц А.Р., Ромашова М.В. «Так Вы живая история?»: Советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // *Антропологический форум*. – 2021. – №50. – С. 168–199; Klots A., Romashova. M. Lenin's Cohorts: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – Volume 19. – 2018. – No.3. – Pp. 573–597;

¹⁶ Голотин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953–1985 гг.: по материалам Ярославской области: дис. ... к. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2011; Казка Е.А. История охраны памятников историко-культурного наследия в Бурятии в 1918–1985 гг.: дис. ... к. ист. наук: 07.00.02 – Улан-Удэ, 2006; Свичкарь И.Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х годов: по материалам Челябинской области: дис. ... к. ист. наук: 07.02.00 – Челябинск, 2014.

Большая часть диссертаций рассматривает деятельность государства в этой области, хотя тема активизма и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры также затрагивается в данных исследованиях¹⁷.

Все чаще объектом исследования становится отечественное краеведение как таковое¹⁸. Отказ от концепции «бинарного социализма» сыграл свою роль и в изучении советского низового активизма. Здесь, например, позиция критика/принятия существующего положения в области охраны памятников вовсе не свидетельствовала о лояльности или неверности гражданина советскому режиму. В подобном ключе рассуждает и В. Донован. По ее словам, изучение «русского возрождения» на региональном материале дает «важное измерение нашему пониманию политических изменений в позднесоветскую эпоху»¹⁹. Отдельный интерес представляют статьи Е.А. Боголюбова, посвященные юридической составляющей советских добровольных обществ и их правовому статусу²⁰.

Одной из последних крупных работ по историко-культурному активизму на момент написания диссертации стала монография «Территория и история. Позднесоветские проекты “Города-герои” и “Золотое кольцо”»²¹ Болтуновой Е.М. и Егоровой Г.С., вышедшая в 2022 году. В монографии авторы подробно рассматривают генезис проектов городов-героев в СССР, создание маршрута по так называемому «Золотому кольцу», а также прослеживают становление ВООПИК как одной из ключевых советских добровольных организаций, участвовавших в обоих проектах.

¹⁷ Богатырев Р.А. Деятельность Орловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по сохранению культурного наследия в 1966–1991 гг.: дис. ... к. ист. наук: 5.6.1 – Орел, 2021.

¹⁸ Johnson E.D. How St. Petersburg Learned to Study itself: The Russian Idea of Kraevedenie. – Penn State University Press. 2006.

¹⁹ Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956–1981 // Антропологический форум. – 2012. – №16. – С. 379–402.

²⁰ Например, Боголюбов Е.А. Установление государственного контроля над общественными организациями в Советской России // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – №81. – С. 5–11.

²¹ Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история. Позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». – М., 2022.

Несмотря на все упомянутые работы, на сегодняшний день в исторической науке отсутствует полноценное понимание функционирования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с момента его учреждения в 1965 году и до распада СССР, после которого Общество практически полностью утратило государственную поддержку и большинство своих членов, став независимым добровольным обществом.

Проблема дефиниции образа публичной истории и публично-исторических практик.

Уже многие десятилетия направление, получившее название «публичная история», находится в центре дискуссий среди историков. Популяризация исторического знания, участие публики в создании исторического контента, нередко с использованием современных технологий, активно осваивает публичную сферу во всем мире. Тем не менее, спор о дефиниции этого относительно нового направления, продолжается столько же лет, сколько существует и сама институционализированная публичная история. У нее нет общепринятых целей и задач, областей функционирования, определения, единого вектора движения, своей методологии. Тем не менее, в рамках данного исследования зададим рамки области публичной истории, определим ее сферу.

Появление направления публичной истории в 1960–1970-е годы стало ответом на перенасыщение научной исторической сферы кадрами профессиональных историков. Эта проблема вынуждала их выходить в публичное пространство (музеи, медиа-пространство), тем самым популяризируя историю, исторические сюжеты, образы в публичной сфере. Отсюда, само понимание публичной истории в этот период отражает выход историков-профессионалов на публику²².

Д. Лиддингтон выделяет два определения публичной истории. В широком смысле Public History – это демонстрация прошлого публике, через памятные места, музеи и фильмы. «В узком, *академическом* смысле – это

²² Kelley R. Public History: It's Origins, Nature, and Prospects. // The Public Historian. – Vol. 1. – 1978. – P. 16.

изучение того, как мы получаем наше знание о прошлом, через память, архивы, археологию, и как это прошлое репрезентировано в публичной сфере»²³.

Еще одну точку зрения высказывает Т. Каван, президент международной федерации публичной истории (International Federation for Public History)²⁴. Он отмечает изменение понимания публичной истории в 1990-е годы. Центральной фигурой в публичной истории становится не профессиональный историк за пределами академии, а публика. Каван указывает, что вместе с концентрацией на потребителе публичная история превращается в «историю для публики, о публике и создаваемую публикой». Сам Каван определяет публичную историю через совокупность следующих практик: во-первых, это трансляция академического исторического знания широкой аудитории профессионалами; во-вторых, участие (и соучастие) публики в создании и использовании исторического знания, сюжетов и методов в современной политической и общественной сферах.

В отечественную науку проблематика публичной истории приходит значительно позже – на рубеже 2000–2010-х годов. За прошедшие годы вышло несколько ключевых работ, в которых авторы как применяют уже существующие определения публичной истории, так и предлагают свои собственные²⁵.

Одна из последних, на момент написания исследования, отечественных точек зрения на публичную историю принадлежит авторам сборника «Все в прошлом. Теория и практика публичной истории». А. Завадский и В. Дубина рассматривают поле публичной истории иначе. По их мнению, публичная история – это «не просто решение цеховых проблем исторической науки, но и множество существующих в медиасреде (в широком смысле) проектов,

²³ Liddington J. What is Public History? Publics and their Pasts, Meanings and Practices. // Oral History. – Vol.30. – 2002. – P. 85.

²⁴ Cauvin T. The Rise of Public History: An International Perspective Cauvin // Historia Critica. – 2018. – №68. – Pp. 3–26.

²⁵ Савельева И.М. Профессиональные историки в «Публичной истории» // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 141–155; Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – Кн. 157. – С. 55–67;

посвященных прошлому и заслуживающих самого пристального внимания»²⁶. Делая упор на «практику», редакторы сборника помещают в сферу публичной истории многообразие репрезентаций прошлого, существующих в публичном пространстве, показывая сходство позиций с «широким подходом» Д. Лиддингтон.

Таким образом, отметим, что единого определения публичной истории не существует, однако выделяются несколько точек зрения на это направление. Объединяющим их фактором является бытование истории в публичной сфере, как в теории, так и на практике.

Подводя итог историографическому разделу, определим те лакуны исторического знания, на которых и будет сконцентрировано данное исследование.

Во-первых, историко-культурный активизм, то есть добровольная помощь граждан в охране историко-культурного наследия. Открытым остается вопрос о взаимодействии государственных органов и активистов, взаимного влияния советской бюрократии и советских граждан.

Во-вторых, институциональная структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, как советского массового добровольного общества, с учетом региональной специфики.

В-третьих, важным сюжетом для изучения остается феномен низового активизма в Советском Союзе как проявления публичности, публичной сферы. На данный момент в отечественной исторической науке это направление только начинает разрабатываться. При должном изучении советский историко-культурный активизм может быть вписан в более широкую рамку мировой модерности. Это позволит подойти к решению вопроса о том, действительно ли СССР был уникальным и изолированным проектом или же он был частью мирового сообщества с аналогичными процессами и культурным кодом?

²⁶ Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. – М., 2021.

Объектом исследования являются советские массовые добровольные общества в 1960–1980-е гг., **предметом** – институциональная структура ВООПИК в контексте публично-исторических практик.

Хронологические рамки исследования охватывают советский период существования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с 1965 по 1991 г. Этот временной промежуток характеризуется, с одной стороны, тесной связью государственных структур РСФСР с ВООПИК, с другой – это наиболее продуктивный период работы общества, чему способствовал постоянный приток равнодушных активистов. Особого внимания в изучении ВООПИК заслуживают 1980-е годы как период кризиса, наступившего еще до начала перестройки и вынудившего общество трансформироваться для обеспечения своего выживания. После распада СССР меняется форма функционирования ВООПИК, государственное вмешательство в деятельность общества сокращается, и поэтому период после 1991 года рассматривается в ограниченном объеме.

Территориальные рамки исследования включают в себя РСФСР, в рамках которой существовало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. В работе выделяется два уровня исследования: РСФСР (республиканский) и региональный уровень. На региональном уровне деятельность общества представлена материалами Пермской области, соседних Свердловской и Челябинской областей, а также других регионов РСФСР.

Цель работы: исследование институциональной специфики функционирования массовой добровольной организации в сфере охраны памятников истории и культуры сквозь призму публично-исторических практик в период позднего СССР.

В соответствии с поставленной целью требуется решить ряд следующих **задач:**

- Рассмотреть проблему использования прошлого в советском публичном поле до создания ВООПИК (1920–1950-х гг.)

- Проанализировать институциональную структуру Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

- Обозначить основные векторы деятельности ВООПИК, повлиявшие на развитие историко-культурного активизма.

- Проанализировать взаимодействие советских историко-культурных активистов с бюрократическим аппаратом ВООПИК и государственными властями, в контексте советской несовершенной публичной сферы.

- Определить особенности деятельности и трансформации ВООПИК в публичном пространстве в первой половине 1980-х гг.

- Выявить специфику функционирования Всероссийского общества охраны памятников в годы перестройки в условиях изменения советского публичного пространства (1985–1991 гг.)

Теоретико-методологической базой исследования является синтез подходов и концепций. За точку отсчета в изучении применимости концепта публично-исторических практик по отношению к советской системе охраны памятников истории и культуры автор исследования берет концепцию буржуазной публичной сферы Ю. Хабермаса. Так как классическая модель публичной сферы Ю. Хабермаса неприменима к советскому опыту, то в работе используется концепция несовершенной публичной сферы, предложенная авторами одноименного сборника²⁷. Эта концепция показывает, что в СССР существовали свои особенные режимы публичности с ограниченным влиянием советских граждан на процесс принятия решений государственной власти. Внутри советской несовершенной публичной сферы существовали анклавов свободы высказываний, где участники могли озвучивать свои мнения по ряду вопросов в публичном поле. Опираясь на это методологическое основание, в данном исследовании под деятельностью ВООПИК понимается один из режимов публичности, в котором проявляются социально значимые эффекты публичности, но с ограниченным или слабым влиянием на решения. Публично-

²⁷ Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / под ред. Атнашева Т., Вайзер Т., Велижева М. – М. 2021.

исторические практики в данном случае – это частное проявление советской публичной сферы.

Для изучения институциональной структуры ВООПИК, с целью выявления наличия в его деятельности публично-исторических практик, используется институциональный подход Д. Норта²⁸. Он позволяет рассмотреть Всероссийское общество охраны памятников как институт, включающий в себя: формальные или писанные ограничения в виде Устава, правил и предписаний; процедуры по обнаружению и пресечению, поведения, которое отклоняются от принятых норм; а также неформальные практики поведения, которые влияют на формальные правила и процедуры²⁹.

В работе применялись следующие **методы**:

Историко-сравнительный метод позволяет применять в работе элементы компаративизма. Данный метод позволяет находить общие моменты в деятельности региональных отделений ВООПИК, между советскими добровольными массовыми организациями и инициативами. Кроме того, использование

историко-сравнительного метода позволяет искать схожие смежные сюжеты в советском историко-культурном активизме и публично-исторических практиках, на основе которых строится область публичной истории³⁰.

Методы устной истории, с помощью которых производился сбор устных воспоминаний (интервью) и интерпретировались полученные результаты. В рамках интервью проводились беседы о жизненном опыте человека в контексте исторических событий, свидетелем которых он был. В дальнейшем устная беседа переносилась в письменный текст для последующей интерпретации. В контексте данного исследования подобный метод позволяет изучать субъективный опыт историко-культурных активистов в позднем СССР.

²⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность. – М., 1997.

²⁹ Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – №283. С. 123–128.

³⁰ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. – СПб., 2015.

Метод типологизации и периодизации. Данный метод позволяет выделять особенности различных исторических этапов и уточнять принятые историческим сообществом датировки.

Проблемно-хронологический метод. Этот метод используется для исследования проблемы общества, государства, отдельной личности в ее последовательном и логическом развитии.

Для изучения «писем во власть» историко-культурных активистов использовался метод критического дискурс-анализа Н. Фэйрклау³¹. Метод включает в себя следующие этапы:

1) Анализ исходного текста (в данном случае отдельного письма) для выявления как содержания текста, так и его возможных интерпретаций

2) Интертекстуальный анализ позволяет сопоставить исходный текст с другими для выявления общих сюжетов и смыслов.

Источниковая база исследования включает несколько групп источников.

Во-первых, основным источником служат письменные документальные источники – делопроизводственные документы, которые хранятся в фондах федеральных и государственных архивов. Среди них документы, непосредственно касающиеся деятельности ВООПИК: фонд А-639 (Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ), фонд 3688 (Пермское отделение ВООПИК, Пермский государственный архив социально-политической истории, ПермГАСПИ), фонд П4 (Челябинский областной совет ВООПИК, Объединенный государственный архив Челябинской области, ОГАЧО), фонд 250 (Свердловское отделение ВООПИК, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург, ЦДООСО), фонд Р-159 (Коми-Пермяцкий окружной государственный архив), а также личные фонды краеведов, членов ВООПИК в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК), ПермГАСПИ и Пермского краеведческого музея.

³¹ Fairclough N. Textual analysis for social research. – New York, 2003.

Всего было просмотрено более тысячи дел, многие из которых впервые попадают в научный оборот.

Указанные фонды ПермГАСПИ, ОГАЧО и ЦДООСО по теме ВООПИК полно репрезентируют советский этап работы региональных отделений Общества с 1965 по 1985 г. С наступлением перестройки полнота отчетов, протоколов, внутриведомственной и межведомственной переписки снижается. Тем не менее, фонд Пермского отделения ВООПИК в ПермГАСПИ явно демонстрирует бедственное положение Общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этом фонде представлены регулярные запросы руководства ВООПИК к банковским, промышленным и бизнес-структурам Перми в поисках необходимого для существования финансирования. Фонд Пермского отделения содержит финансовую и справочную информацию о Пермском экспериментальном ювелирно-гранильном заводе, который существовал под эгидой ВООПИК с 1969 по 1980 г., а также о создании архитектурно-этнографического музея (АЭМ) под открытым небом «Хохловка».

Наиболее полную информацию об АЭМ удалось найти в фондах и архиве Пермского краеведческого музея, филиалом которого является «Хохловка». В фондах краеведческого музея также были найдены личные архивы руководства Общества в 1960–1980-е годы – В.А. Оборина, Л.Г. Дворсон и Э.П. Андерсон. Личные фонды краеведов были найдены в ГАПК (А. Терехин) и ПермГАСПИ (Б. Назаровский). В ЦДООСО, помимо региональных материалов, содержится большое количество внутриведомственной переписки между свердловским отделением и Центральным Советом в Москве и полные протоколы заседаний Центрального Совета с 1966 по 1982 г. Если говорить о доступности информации, то все архивные материалы открыты для исследования, однако музейные фонды часто остаются недоступны для исследователей, не работающих в структурах краеведческого музея.

Делопроизводственные документы дают возможность реконструировать институциональный аспект истории ВООПИК, выявлять как формальные, так и неформальные практики внутри массового добровольного общества. К таким

документам относятся: постановления государственных органов, межведомственная переписка с исполнительными властями на местах, с Центральным Советом Общества, протоколы заседаний, отчеты, финансовая документация и т.д.

Во-вторых, важную группу источников составляют законодательные и нормативные акты, постановления общегосударственного и регионального уровня. Их использование позволяет изучить контекст, в котором существовал советский историко-культурный активизм, обозначить направление, рамки деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В-третьих, источники устного происхождения, полученные в ходе интервью с бывшими (или действующими) активистами, работниками структур ВООПИК, краеведами и т.д. Устные свидетельства позволяют раскрыть особенности функционирования советских массовых добровольных организаций на низовом уровне, познакомиться с повседневными практиками активистов, изучить особенности функционирования советских организаций, не опираясь только лишь на официальные документы, постановления, протоколы и отчеты. Данные, собираемые с помощью методов устной истории, позволяют взглянуть на советскую действительность в целом и на деятельность ВООПИК и других смежных организаций, в частности, под новым углом, открывая новые направления и перспективы для исследования.

Было собрано двенадцать интервью у членов ВООПИК, бывших как активистами, так и занимавших штатные должности в движении (секретари, председатель). Большая часть респондентов живет в Перми, двое – в Челябинске. Все интервью проходили на основе заранее составленных опросников.

В-четвертых, использовались материалы СМИ как регионального, так и общесоюзного уровня, т.к. информация о феноменах историко-культурного активизма регулярно появлялась на страницах всесоюзных («Комсомольская правда», «Известия», «Молодая гвардия» и пр.) и местных изданий («Вечерняя

Пермь», «Звезда», «Южноуральская панорама», «Челябинский рабочий» и пр.). Отдельное внимание уделялось газете «Пермский университет», т.к. многие студенты и преподаватели были членами ВООПИК, участвовали во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы.

В-пятых, публикации Общества – книги, брошюры, руководства, методички и пр. Подобные документы содержат как внутриведомственные рекомендации для штатных сотрудников общества (например, должностные инструкции), так и публичные издания (альманахи, статьи, краеведческую литературу). Важным жанром становится публикация т.н. «туристических маршрутов», публикуемых при поддержке ВООПИК, которые рассказывают о памятных исторических местах и возможных способах путешествия к ним. Подобные «маршруты» использовались как важная часть пропаганды историко-культурного наследия, в первую очередь среди студентов и школьников.

В-шестых, документы личного происхождения – дневники, воспоминания, мемуары. Такие источники могут раскрывать взаимоотношение активистов с бюрократическими структурами, их низовую деятельность, официальное и неофициальное отношение к феномену историко-культурного активизма, виды активисткой деятельности, ее состав и структуру.

Особую роль среди письменных источников, найденных в государственных архивах, играют т.н. «письма во власть» – обращения активистов в области охраны памятников в различные государственные инстанции, СМИ, массовые добровольные организации с требованиями, предложениями, исправлениями. Такие письма и обращения показывают интерес к сохранению памятников истории и культуры на низовом уровне активистов как членов ВООПИК, так и просто заинтересованных граждан. Кроме того, изучение писем позволяет классифицировать запросы советских граждан и понять какие именно объекты историко-культурного наследия в первую очередь интересовали активистов. Письма также позволяют отметить

настроение советского общества в сфере охраны наследия, отношение к государству и его структурам, а также к ВООПИКу.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые комплексно рассматривается институциональная структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры как на региональном, так и на республиканском уровне. Впервые дана характеристика хозяйственно-экономическим аспектам функционирования ВООПИК.

Впервые предпринимается попытка вписать советский историко-культурный активизм на примере ВООПИК в более широкую рамку публично-исторических практик, тем самым расширяя область исследования публичной истории. В дальнейшем, доказательство существования в СССР пусть и «незавершенной» публичной сферы поможет определить советский социальный опыт как часть мировой модерности.

Новацией представляется разработанная автором концепция «сателлитов ВООПИК» – организаций и движений, созданных внутри Общества для продвижения его целей или же появившихся под эгидой других советских органов власти, но зависимых от Общества охраны памятников.

При написании работы впервые вводится в научный оборот большой комплекс архивных документов, связанных с политикой государства в области охраны памятников истории и культуры, взаимодействия с массовыми добровольными обществами, с культурной политикой советского государства в целом.

В ходе работы над диссертацией были собраны и введены в оборот устно-исторические свидетельства активистов и штатных работников Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исторические сюжеты, образы, мифы и персоналии применялись для строительства советского государства с первых лет существования СССР. Поворот к истории, дискурсу охраны историко-культурного наследия в 1950–

1960-е гг. не был случайностью, а стал продолжением этих практик в условиях ослабления цензуры после смерти И.В. Сталина и XX съезда КПСС.

2. Государство, не способное в полной мере взять на себя финансовые и организационные обязанности по сохранению историко-культурного наследия в послевоенные годы, в 1960-е годы использовало массовый интерес к этой проблеме среди советских граждан. Одним из проявлений привлечения активистов для решения проблем охраны наследия становится новое Общество охраны памятников истории и культуры.

3. Новое массовое добровольное общество создавалось как средство преодоления разрыва между поколениями Гражданской и Великой Отечественной войн и послевоенной молодежи. Для достижения этой цели одной из основных задач нового Общества стала пропаганда историко-культурного наследия советской эпохи среди советских граждан, в первую очередь – среди школьников и студентов. При этом, хоть основным фокусом ВООПИК оставались Гражданская и Великая Отечественные войны, в первые же годы существования Общества сформировалось третье направление его деятельности – дореволюционное историко-культурное наследие.

4. Структура ВООПИК создавалась сверху, при активном участии органов государственной власти и партийных органов, которые сохраняли контроль за деятельностью Общества вплоть до распада СССР.

5. Для советских властей, еще на этапе создания Общества, ключевым фактором его существования считалась полная финансовая независимость ВООПИК. Для охраны памятников Общество должно было использовать собранные у граждан и организаций ресурсы, а не опираться на государственные средства.

6. Новая массовая добровольная организация активно расширяла свое присутствие в публичном пространстве через взаимодействие с организациями-«сателлитами» (Всесоюзный туристический поход, производственные предприятия и т.д.) и посредством новых форм работы с историко-культурным наследием.

7. ВООПИК привлекало многочисленные низовые инициативы и проекты населения, способствуя активизации локальных региональных интересов по сохранению не только советской, но и национальной истории и культуры.

8. Привлечение членов в Общество происходило разными способами. Одни попадали в ВООПИК в результате мобилизации административными методами, другие вступали самостоятельно, желая сохранить советскую и национальную культуру. Активисты Общества, как в центре, так и на местах «присваивали» себе сферу охраны памятников, стараясь закрепить свой статус защитников культурного наследия на законодательном уровне на протяжении всего позднесоветского периода.

9. Деятельность активистов ВООПИК была смежной с публично-историческими практиками. Члены Общества занимались опубличиванием исторического знания, созданием исторических сюжетов, а также использовали исторические персоналии, мифы и образы в своих целях, например, для брендинга регионов и разработки уникальной локальной истории, для продвижения национальной истории и культуры.

10. Кризисный период в истории ВООПИК наступил еще до перестройки, в 1982–1983 годы. Кризис заключался в сокращении субъектности Общества, снижении его финансовой активности и дискредитации в публичном пространстве. Причиной стало недовольство со стороны государственных властей сильной зависимостью от административного ресурса, бюрократизацией штатного аппарата, неопытностью активистов на местах, а также рядом уголовных дел, возбужденных в связи с проявлением теневой экономики в ряде подразделений ВООПИК.

11. ВООПИК стало одной из немногих советских массовых добровольных организаций, которые, сократив свою численность и функционал, пережили распад СССР. Причиной стала мотивация активистов Общества, которые видели свою миссию по сохранению памятников истории и культуры неизменной вне зависимости от политического режима.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены на одиннадцати конференциях, форумах и круглых столах: Public History Summer School (Вроцлав, Польша, 2020 и 2021 гг.), Конструируя советское (Санкт-Петербург, Европейский университет, 2021), Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи (Казань, К(П)ФУ, 2021), «...Прошу не забыть нас, отживающих последние дни»: Фигура свидетеля в советских коммеморативных практиках 1960–1980-х годов (ПГНИУ, Институт этнологии и антропологии РАН и МВШСЭН, 2021), Музеи в пространстве культуры: вызовы времени и новые решения (Екатеринбург, 2021), XIII Татищевские чтения (Екатеринбург, 2022), Правила игры на общественных началах (Пермь, ПГНИУ, 2023), Пермь – город культуры и инноваций (Пермь, ПГНИУ, 2024), Северное Прикамье – история научного поиска, изучения и музеефикации (Чердынь, 2024), Позднесоветский взгляд на историко-культурное наследие России (Москва, Институт региональных исторических исследований факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 2025), XVI Конгресс антропологов и этнологов (Пермь, 2025). На данный момент результаты исследования отражены в 9 публикациях. Четыре из них входят в перечень изданий ВАК, три из них опубликованы в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах WoS, Scopus. В рамках работы над диссертацией было принято участие в составлении и редактировании коллективной монографии «Правила игры на общественных началах» и сборника документов по деятельности добровольных общественных организаций в позднесоветский период в рамках гранта РФФИ № 20-49-590004.

Структура работы состоит из введения, двух глав, списка источников и литературы, заключения, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении работы обоснованы ее актуальность, степень изученности темы, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, методологическая основа и методы, дана характеристика используемых источников, раскрыта новизна, практическая и теоретическая значимость, указаны основные научные мероприятия, где сюжеты исследования проходили апробацию.

В первой главе **«Деятельность советских добровольных организаций в сфере охраны историко-культурного наследия на примере ВООПИК»** проанализированы основные аспекты деятельности ВООПИК, его становление, институциональное устройство. Практики этой организации рассматриваются сквозь призму проявления эффектов публичности, присущих несовершенной публичной сфере. Публично-исторические практики как частное проявление публичной сферы рассматриваются с точки зрения наличия в них основных положений, присущих феномену публичной истории: передача исторического знания в публичное поле, участие публики в создании исторических сюжетов и применение исторических сюжетов в политической сфере.

В первом параграфе *«Проблематика поворота к прошлому в СССР в 1920–1950-е гг.»* рассматривается проблематика использования прошлого в 1920–1950-е годы, деятельность государства в области охраны историко-культурного наследия, а также формирование прослойки советских историко-культурных активистов. В дальнейшем они заложили основу для Обществ охраны памятников истории и культуры во всех республиках СССР и стали их главными участниками.

Учреждение общества охраны памятников истории и культуры в РСФСР явилось одним из самых сильных проявлений тренда по поиску «полезного прошлого», использования исторических сюжетов, как советскими властями, так и историко-культурными активистами, которые занимались локальными сюжетами или же апроприировали идеологию, доставшуюся от сталинского периода. Несмотря на то, что основателями нового общества были

сосредоточенные на сохранении национальной культуры и сознания активисты, сами общества едва ли являлись националистическими. Их члены проявляли заинтересованность в сохранении национальной культуры, но чаще всего это было связано с сохранением преемственности советской истории и культуры с дореволюционными традициями, неразрывностью исторического нарратива.

Во втором параграфе *«ВООПИК как советская массовая добровольная организация: институциональная структура»* изучается создание Общества, его институциональная структура, основные аспекты функционирования и виды деятельности.

Появление нового Общества свидетельствовало о неспособности государственной власти в полной мере обеспечить сохранность наследия, для чего в эту сферу привлекались все желающие. Новая организация представляла собой массовое добровольное советское общество с Уставом, со строгой вертикалью власти (центр-регионы) и отчетностью. Во главе Общества стоял Центральный Совет и его Президиум, в составе которого находились представители советской научной, культурной и партийной элиты.

Свою основную деятельность ВООПИК осуществляло на местах посредством региональных отделений, которым, в свою очередь, подчинялись городские и районные. Основным механизмом развертывания Общества становилась широкая пропаганда сохранения историко-культурного наследия среди населения, а также организаций и учреждений.

Одной из целей пропаганды становилось привлечение как можно большего количества членов в Общество, что, с одной стороны, укрепляло его статус, а с другой обеспечивало необходимыми финансовыми средствами. Потребность в денежных средствах обуславливалась финансовой независимостью Общества от государственных властей. ВООПИК должно было финансироваться только за счет членов, без привлечения денег государства.

В третьем параграфе *«Векторы и формы работы по сохранению историко-культурного наследия в публичном пространстве в 1960–1980-е гг.»* на основе имеющихся архивных документов и свидетельств очевидцев

обосновывается концепция сателлитов – организаций или движений, учрежденных внутри Общества, или же зависимые от ВООПИК инициативы.

1960-е–начало 1980-х годов становятся периодом по формированию новых и возрождению старых форм историко-культурной активности в публичном пространстве. Общество создает вокруг себя целый ряд сателлитов, которые либо входят в состав Общества и подчиняются его Центральному совету, либо тесно связаны с ним. ВООПИК, к ключевым целям которого относились пропаганда историко-культурного наследия, увеличение числа своих членов, стремилось участвовать в новых инициативах, применять новые формы работы с молодежью. К таким формам относились тесная связь с историческим туризмом в виде составления маршрутов для молодежных поисковых и туристических групп, участие молодых активистов ВООПИК в походах. Сама практика походов, привлечение специалистов в области фалеристики, нумизматики, униформистики сделали возможным формирования, на уже сформировавшейся базе интересующейся историей молодежи, движения исторической реконструкции.

Отдельную нишу занимали особые (или экспериментальные) мастерские, заводы, фабрики, создаваемые под «крылом» ВООПИК в 1960–1970-е годы. Эти предприятия отвечали перед Центральным советом Общества и давали ВООПИКу регулярный доход. С другой стороны, заводы и мастерские занимались изготовлением и реставрацией памятников, а также популяризировали историческое наследие через создание сувенирной продукции.

К другим формам работы относились популяризация историко-культурного наследия, в первую очередь архитектуры, через музеи под открытым небом. По планам ВООПИК, министерства культуры и других органов советской власти, каждый регион РСФСР должен был получить свой собственный архитектурно-исторический музей, с упором на локальную этнографию. Далеко не все из этих проектов увенчались успехом, но состоялись и стали успешными Соловки (Архангельская область), Киж

(Карелия), Хохловка (современный Пермский край) и ряд других. Эти музеи должны были стать универсальной формой сохранения и популяризации этнографии и архитектуры регионов РСФСР.

В четвертом параграфе *«Феномен взаимоотношений низового историко-культурного активизма и советской бюрократии»* рассматривается мотивация членов ВООПИК, выявляются основные принципы взаимодействия историко-культурных активистов и государственных властей разных уровней. Особую роль в таком взаимодействии играли т.н. «письма во власть», которые, являясь эффектом публичности, были одним из наиболее востребованных способов донести свою точку зрения до советской бюрократии.

Сам факт наличия «писем в ВООПИК» подчеркивает важную тенденцию в области историко-культурного активизма. Подавляющее число авторов по-настоящему обеспокоены ситуацией, сложившейся в сфере охраны памятников, и всячески хотят эту ситуацию изменить. В этом они видят не протест против существующего строя, но помощь, которая призвана сделать советского государство лучше. В духе коммунистического соучастия активисты, пишущие письма, видят в изучении локальной истории своеобразный вклад в дело социалистического строительства.

Если говорить о взаимодействии историко-культурных активистов и советских властей в целом, то в некоторых случаях местные власти не понимали специфику деятельности таких массовых добровольных обществ как ВООПИК. Они могли счесть деятельность Общества ненужной и даже вредной, отказать в разрешении на реставрацию, что приводило к невыполнению Обществом своей уставной деятельности и критике как со стороны Центрального Совета, так и со стороны высших органов государственной власти. Такая ситуация, конечно же, находила отклик в среде членов-активистов Общества. Они боролись за свои права, регулярно настаивали на расширении полномочий и их кодификации.

Вторая глава **«Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры в условиях трансформации публичного пространства 1980–**

1990-х гг: изменение правил «игры» и адаптация к новым реалиям» посвящена изучению изменения условий существования ВООПИК в первой половине 1980-х годов и приспособления Общества к новой политической, общественной и экономической ситуации в годы перестройки.

Первый параграф второй главы *«Всероссийское общество охраны памятников в контексте кризиса 1982–1983 гг.»* раскрывает суть кризисной ситуации 1982–1983 годов в ВООПИК. Среди исследователей советских добровольных массовых обществ бытует мнение о том, что кризисная ситуация в этой сфере наступает в годы перестройки и в связи с распадом СССР³². Однако, изучение архивных источников как в региональных, так и в столичных архивах позволяет утверждать, что кризисная ситуация для ВООПИК складывается еще на рубеже 1970–1980-х годов. Годы перестройки и последующий распад СССР лишь усилят и ускорят заложенные ранее тенденции.

В конце 1970-х годов ВООПИК сталкивается с рядом проверок со стороны Народного Контроля, основная задача которых выявить и устранить сектора теневой экономики в Обществе, а также повысить его эффективность и сократить разросшийся бюрократический аппарат. Следствием проверок становится отмена коллективных взносов в Общество охраны памятников, сокращение оплачиваемого штата ВООПИК и уменьшение премий для оставшихся сотрудников. Вследствие выявления элементов теневой экономики внутри Общества ряд предприятий, находившихся под эгидой ВООПИК (мастерские, фабрики, заводы), передаются в ведение различных министерств СССР и РСФСР. Общество лишается значительной части своих доходов и потому сворачивает многие проекты. Еще одним результатом внутренних проверок стала кампания в СМИ по осуждению функционирования Общества, начавшаяся в конце 1982 года. По репутации ВООПИК был нанесен сильный

³² Например, случай Всероссийского общества книголюбов.

удар, который также препятствовал рекрутингу новых активистов в ряды Общества.

К 1983–1984 годам ВООПИК теряет значительную часть своего финансирования и вынуждено будет принять ряд мер для стабилизации своей экономической ситуации.

Во втором параграфе *«Функционирование ВООПИК в условиях перестройки и распада СССР»* речь идет о последствиях кризиса 1982–1983 годов в ВООПИК, а также о функционировании Общества в условиях меняющейся советской несовершенной публичной сферы в годы перестройки.

После 1982–1983 годов ВООПИК было вынуждено ограничить свою деятельность, следствием чего стало снижение его популярности в советском обществе. В условиях нехватки финансирования ряд отделений (в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке и пр.) прекращают свою работу.

Еще до эпохи перестройки ВООПИК попадает в своеобразную экономическую ловушку, выбраться из которой без серьезных потерь было невозможно. Это было общество, которое целиком зависело от членских взносов, и главным звеном по их сбору выступали секретари организаций на местах. Они же часто отвечали за делопроизводство, в котором, будучи активистами-энтузиастами, могли совершенно не разбираться. Однако Общество не могло усилить их работу, нанимая дополнительные кадры. Оно наоборот было вынуждено сокращать штатные единицы, лишая себя финансирования. До 1983 года эта ситуация компенсировалась коллективными взносами, часто собираемыми с использованием административного ресурса. После отмены коллективных взносов отделениям на местах было предложено усилить работу с индивидуальными членами, но еще больше сокращались секретари, которые и должны были вести основную ту самую работу с населением. В 1983–1984 годы представители региональных организаций не писали в Центральный совет, пытаясь убедить его членов в необходимости увеличения штатов в этой тяжелой ситуации, однако Центральный совет, безусловно, все понимая, не мог в этой ситуации уже ничего сделать. Общество

продолжало собирать индивидуальные взносы, вести работу с населением, но эффективность подобных действий падала с каждым годом.

Кроме финансового вопроса, на протяжении 1970–1980-х годов ВООПИК пыталось определить свой правовой статус. Особенно эта борьба обостряется с наступлением перестройки, с изменением режима публичности и активисты ВООПИК, а также других общественных организаций вступают в открытую полемику о своем правовом статусе, публично критикуют закон об охране памятников.

Во второй половине 1980-х годов Общество предлагает ряд поправок в существующее законодательство, которые расширят его полномочия и улучшат сохранность историко-культурного наследия. В этом вопросе ВООПИК пользовалось поддержкой общественности и других советских институтов. Однако, публичность не только помогала Обществу, но и делала его объектом критики. Историко-культурные активисты упрекали Общество в излишней зависимости от государственных средств, неповоротливости и забюрократизированности. Параллельно с ВООПИК по всему РСФСР возникают десятки других организаций, с которыми Общество было вынуждено (и не всегда успешно) соперничать за историко-культурных активистов, пожертвования и взносы.

В параграфе также рассматриваются попытки ВООПИК влиться в кооперативное движение и массовые лотереи. Впрочем, для Общества, существовавшего в позднесоветский период, в основном, благодаря помощи государства, изменившиеся реалии не позволили снова активизировать свою деятельность. С конца 1980-х годов оно практически прекращает свою деятельность в регионах. Тем не менее, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры было одним из тех советских массовых добровольных обществ, которые не прекратили свое функционирование вместе с распадом СССР, как например, Всесоюзное общество книголюбов, которое могло существовать лишь в условиях позднего социализма. Причина выживания ВООПИК видится в мотивации его членов. Они были

заинтересованы в сохранении историко-культурного, часто нематериального наследия, а не в участии в перераспределении благ в условиях дефицита. С начала 1990-х годов ВООПИК и его уцелевшие отделения становятся независимой общественной организацией.

В заключении подводятся итоги работы и делаются основные выводы.

Появлению «публичной истории по-советски» способствовало изменение режима публичности, который во второй половине 1950–1960-х годах позволял создавать «анклавы свободы высказываний». Изменение режима публичности выражалось в снижении уровня цензуры; в передаче советских архивов из ведения МВД в структуру Совета министров СССР, что делало их более доступными для обывателей; в расширении влияния коммуникативных технологий (радио, телевидение, пресса); в повышении уровня грамотности и образования, а также в таких социальных реформах 1950–1960-х годов как появление у советских граждан отпусков, пенсий, т.е. свободного времени. Эти изменения способствовали кардинальной трансформации советской несовершенной публичной сферы. Они позволяли гражданам, не являющимся частью формальных институтов, через различные эффекты публичности («письма во власть», газетные статьи, общественные дискуссии и пр.) получать ограниченное влияние на лиц, имеющих всю полноту власти. Все это позволяет говорить о том, что 1960-е годы в СССР складываются особые условия, которые позволяют советским гражданам быть не только потребителями исторического контента, но и принимать участие в его создании. В ряде случаев это могло происходить вопреки мнению историков-профессионалов. В 1960-е годы в СССР появляется свой, особый вариант советских публично-исторических практик, которые не могли сформироваться в предыдущие десятилетия.

Вместе с тем, именно в 1960-е годы государственная власть с тревогой начала отмечать, что символы революции и Великой Отечественной войны не играют желаемой роли среди тех, кто родился в годы войны или послевоенные годы. Намечался разрыв между поколениями участников Гражданской, Великой

Отечественной войны и послевоенного поколения. Примечательно, что этот разрыв наблюдали не только государственные структуры, но и представители тех самых, старших советских поколений. В результате, отвечая на эти проблемы, в 1960-е годы происходит стремительный рост историко-культурного активизма, подпитываемого как интересом самих граждан, так и государственной деятельностью в этой области. Квинтэссенцией этого направления становятся общества охраны памятников, возникающие в 1950–1960-е годы в республиках СССР. Одним из самых масштабных республиканских обществ становится Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры в РСФСР, основанное в 1965–1966 годах.

Появившись как ответ государства на широкий запрос в среде, в первую очередь, советской интеллигенции, ВООПИК обладало четкой функцией. Оно должно было, с одной стороны, дать возможность историко-культурным активистам реализовать свои интересы по охране памятников исторического наследия советского государства, а с другой – компенсировать нехватку средств, затрачиваемых государством на охрану памятников за счет активов населения. Отсюда главными задачами ВООПИК стали сбор средств у населения и советских организаций, которые затем отправлялись на нужды охраны памятников, а также привлечение активистов в работу по защите культурного наследия.

С самого начала своего существования Общество сумело стать массовой и, до определенной степени, добровольной советской организацией. Как и другие советские добровольные общества, оно обладало четкой иерархией, в лице руководящего Центрального Совета, региональных, районных и городских отделений на местах; было финансово самостоятельным (содержалось за счет взносов граждан и учреждений); тесно взаимодействовало с другими советскими организациями (например, ВЛКСМ, общество «Знание», музеи и др.) и государственными властями.

Ядро ВООПИК состояло из представителей гуманитарной и технической интеллигенции, по-настоящему заинтересованных в охране памятников как

советского, так и досоветского периода. В Общество входили представители интеллектуальной элиты РСФСР, представители государственных властей разных уровней. Из-за этого ВООПИК представляло собой не только центр сбора взносов на охрану памятников и место, куда стекались отчеты о деятельности по сохранению наследия. Институциональная специфика Общества заключается в том, что оно становилось местом столкновения государственных установок и низовых инициатив, которые трансформировали само понимание сферы охраны историко-культурного наследия. Там, где для государственных властей ВООПИК становился лишь добровольным помощником в деле охраны памятников, сами активисты видели себя как важный элемент социалистического строительства, невозможного без формирования исторической преемственности с прошлым, в том числе дореволюционным. Не имея официальных полномочий влиять на советские органы власти, активисты регулярно использовали неформальные связи во власти, выступления в публичном пространстве (через СМИ, публичные лекции, общественные дискуссии, «письма во власть»), чтобы влиять на процесс принятия решений в сфере охраны историко-культурного наследия.

По мнению активистов, Общество должно было не только заниматься сбором средств, давать экспертную оценку и участвовать в согласовании тех или иных проектов, связанных с историко-культурным наследием, но получить большую автономию и права в области реставрации, возведения памятников и монументов, становясь по-настоящему низовой инициативой.

Вместе с сохранением памятников и наследия общегосударственного значения, низовые активисты закладывали основу для развития локальной идентичности отдельных регионов РСФСР. В этой деятельности также прослеживается стремление помочь в деле социалистического строительства через изучение и популяризацию местной истории и краеведения, которые являлись составной частью большой, общесоветской истории.

Несмотря на деятельность активного ядра внутри Общества как в центральных отделениях, так и в регионах, основой его благополучия и

выживания было государство. ВООПИК являлось одним из самых «затратных» советских добровольных Обществ. Ежегодно собирая членские взносы, оно тратило миллионы рублей на реставрацию и возведение памятников. ВООПИКу требовались значительные финансовые средства, которые, зачастую, обеспечивались государством и чиновниками с помощью административного ресурса. Предприятия-коллективные члены регулярно получали письма от местных властей о необходимости уплаты членских взносов Обществу. Взносы предприятий, часто собранные с использованием административного ресурса, в разные годы могли достигать 50–60% от всего бюджета Общества.

После решения 1982–1983 годов об отмене коллективных взносов в ВООПИК Общество сталкивается с серьезными финансовыми трудностями и уже через несколько лет становится неспособно в полной мере выполнять свои обязанности. Лишившись основных финансовых средств, Общество уже к концу 1980-х годов теряет возможность вести полноценную деятельность по реставрации объектов истории и культуры. ВООПИК, по сути, трансформируется в организацию экспертов с активной гражданской позицией.

Таким образом, анализ истории ВООПИК в контексте его институционального устройства и практик, позволяет утверждать, что деятельность активистов Общества во многом схожа с практиками публичной истории. Несмотря на значительный государственный компонент, активисты Общества являлись не только потребителями исторических сюжетов, но и создавали их, оформляя внутри СССР свою собственную «публичную историю по-советски», смежную с мировыми практиками и ограниченную теми же рамками, что и советская «несовершенная публичная сфера».

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы.

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм / П.А.

Неплюев // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – № 3 (58). – С. 79–93 (1,55 п.л., **Web of Science, Scopus**).

2. Неплюев П.А. Материалы архивных фондов о деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1965–1980-е гг / П.А. Неплюев // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 4 (63). – С. 74–80 (0,7 п.л., **Web of Science, Scopus**).

3. Неплюев П.А. ВООПИК в дискуссиях о 250-летию Перми как феномен советской публичной сферы / П.А. Неплюев // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – №2 (34). – С. 159–169. (1,15 п.л.)

4. Неплюев П.А. Практики охраны историко-культурного наследия в национальных округах в позднесоветский период: по материалам Коми-Пермяцкого отделения ВООПИК / П.А. Неплюев // Сибирские исторические исследования. – 2025. – №3. С. 55–77. (1,38 п.л., **Web of Science, Scopus**).

Публикации в других изданиях:

5. Неплюев, П.А. «Если человек равнодушен к памятникам своей страны, значит он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период / П.А. Неплюев // Культурный код. – 2020. – № 3. – С. 38–49 (0,8 п.л.).

6. Неплюев, П.А. Популяризация работы с домашними архивами как способ организации музейного сообщества / П.А. Неплюев // Музеи в пространстве культуры: вызовы времени и новые решения: к 150-летию Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера: всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 30 марта 2021 г.) – Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2021. – С. 322–327 (0,2 п.л.).

7. Неплюев, П.А. Феномен публичной истории как области исторических исследований / П.А. Неплюев // Апрельские тезисы. Раскрывая новые горизонты: междисциплинарные исследования в современном социально-гуманитарном знании [Электронный ресурс] : материалы межвуз. науч. конф. студ., асп., молод. учен. (г. Пермь, 24–25 апреля 2020 г.) – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 59–71 (0,65 п.л.)

8. Неплюев, П.А. Кризис во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры: изменение правил «игры» и адаптация к новым реалиям в первой половине 1980-х годов / П.А. Неплюев // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг.»: коллективная монография / отв. ред. Г. А. Янковская; редкол.: Матвеев Е. В., Ехлакова А. Р., Неплюев П. А. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 81–97 (1 п.л.).

9. Неплюев, П.А. «Создаются музеи под открытым небом. То же, что мы задумали...»: роль историко-культурных активистов в создании музея в Хохловке / П.А. Неплюев // Пермь – город культуры и инноваций. Материалы

всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 114–121 (0,48 п.л.).

Подписано в печать 18.02.2026. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,21
Тираж 100 экз. Заказ № 21.

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
